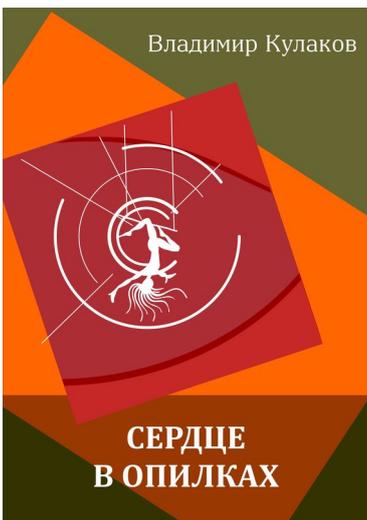

Владимир Кулаков

**СЕРДЦЕ
В ОПИЛКАХ**

Жизнь и судьба (Горизонт)

Владимир Кулаков

Сердце в опилках

«Горизонт»

2016

УДК 821.161.1
ББК 85.35

Кулаков В. А.

Сердце в опилках / В. А. Кулаков — «Горизонт»,
2016 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

ISBN 978-5-04-006494-6

События в книге происходят в 80-х годах прошлого столетия, в эпоху, когда Советский цирк по праву считался лучшим в мире. Когда цирковое искусство было любимо и уважаемо, овеяно романтикой путешествий, окружено магией загадочности. В то время цирковые традиции были незыблемыми, манежи опилочными, а люди цирка считались единой семьёй. Вот в этот таинственный мир неожиданно для себя и попадает главный герой повести «Сердце в опилках» Пашка Жарких. Он пришёл сюда, как ему казалось ненадолго, но остался навсегда... В книге ярко и правдиво описываются характеры участников повествования, быт и условия, в которых они жили и трудились, их взаимоотношения, желания и эмоции. Во многих случаях осталась без изменений лексика некоторых реальных героев. Здесь много юмора и разных хитросплетений ежедневных ситуаций. Читатели найдут для себя ответ на вопрос: «Кто же такие цирковые, какие они?..» Люди, выходящие ежевечернее на залитый прожекторами манеж в блёстках и богатых ярких костюмах, на глазах публики творящие чудеса, оказываются в быту обыкновенными людьми со своими проблемами, желаниями, слабостями и страстями. И лишь манеж превращает их в необыкновенных людей. Собственно, такие они и есть...

УДК 821.161.1
ББК 85.35

ISBN 978-5-04-006494-6

© Кулаков В. А., 2016

© Горизонт, 2016

Содержание

От автора	6
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	12
Глава четвёртая	14
Глава пятая	16
Глава шестая	19
Глава седьмая	22
Глава восьмая	26
Глава девятая	29
Глава десятая	32
Глава одиннадцатая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Кулаков

Сердце в опилках

От автора

Я долго жил среди цирковых. Я был цирковым. Им остаюсь. Теперь уже останусь навсегда...

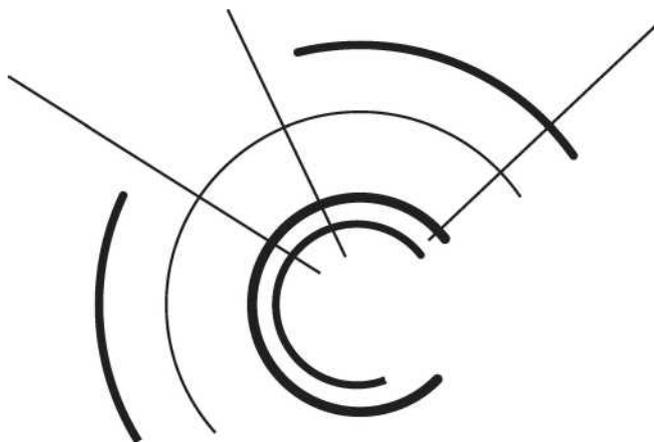
Это не профессия, не стиль жизни, не убеждения. Это – «хромосомы». Их необычная комбинация. Это всё вместе. Как проклятье. Или – Величайшая из наград...

В этой книге что-то вымысел, что-то правда. Но «где – что» – теперь трудно определить, столько времени прошло...

Все события книги происходят в 80-х годах теперь уже прошлого столетия. Многих героев повествования на этом свете больше нет. Кто-то ещё жив...

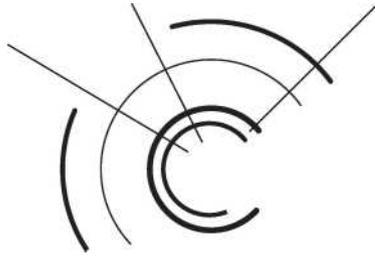
Век настоящий сменил век минувший. Одна эпоха пришла на смену другой. Мне кажется, что незаметно для всех, одна человеческая цивилизация сменила другую...

Что-то неуловимо изменилось в этом мире на планете Земля. Поменялось многое, что когда-то грело душу и волновало сердце...

Поменялся цирк, его стилистика. Но не поменялись люди цирка. Они те же, что и прежде. Я с лёгкостью узнаю их на вокзалах, в аэропортах. Мне кажется, что я знаю их всех, как своих родственников. Они и есть – родственники. Одна кровь. Один «хромосомный» ряд – причудливо созданный Великим Небесным Художником.

В этих людях по-прежнему живёт самое ценное – Человеческая Любовь...
Им я и посвящаю эту книгу...

Глава первая

По сортировочной узловой станции, формируя составы, туда-сюда сновали маневровые тепловозы «кукушки». Прозвище они получили за свои необычные гудки, которые почти отчётливо, по-детски, высвистывали: «ку-ку-у!...»

В свете ярких фонарей по рельсам медленно скользили сцепки грузовых платформ, товарных и почтовых вагонов. Они с металлическим грохотом догоняли друг друга, стучались, выстраивались очередью, соединяясь в будущие товарняки. Поблескивая гладкими боками, на которых было написано: «С горки не спускать!», гигантскими сардельками тянулись цистерны с нефтью и прочей огнеопасной жидкостью. Многокиловаттные прожекторы резали ночь, как шахматную доску, на ярко освещённые квадраты путей и чёрные провалы Вселенной. Без конца, на повышенных тонах, по громкой связи звучали неразборчивые команды диспетчеров, размазанные эхом и улетающие куда-то в чрево невидимого неба. Пахло креозотом и ещё чем-то, неудержимо зовущим в дальнюю дорогу...

Из-за тяжёлых туч выглянула луна, на мгновение выхватив из мрака ночи крадущуюся вдоль неосвещённого участка путей фигуру человека. Он внимательно всматривался в силуэты товарных вагонов. У одного из них, на котором виднелась надпись «Живность», он остановился. Чиркнув спичкой в приоткрытый дверной проём, человек удовлетворённо хмыкнул:

– Лошадки! Порядок. Карета подана!..

В тёмном углу вагона томила гора душистого сена, обещающая мягкую постель и надёжное укрытие. Человек зарылся в него с головой, блаженно втянул аромат всеми лёгкими, потянулся и шумно выдохнул. Сморганный усталостью и нервным напряжением последних дней, он мгновенно уснул...

Покачивался вагон, постукивали колёса на стыках. Время несло вдаль по параллельным прямым светящихся рельсов, отмечая мгновения жизни чёрточками мелькающих шпал.

Где-то объявляли пути следования поездов. Одинаковыми металлическими голосами переговаривались сонные диспетчеры. Мелькали полустанки. Поезд то ехал, то останавливался, пропуская на разъездах «скорые» и «пассажирские». Мир куда-то торопился, менял направления, плутал, словно пытался сбежать от самого себя...

...Проснулся он от резкого толчка. Звякнули сцепки. Грохот волной прокатился по вагонам и состав, после долгой стоянки, медленно стал набирать скорость.

Высунув голову из своего укрытия, незнакомец, оказавшийся молодым пареньком лет шестнадцати-семнадцати, увидел в дальнем углу товарного вагона вчерашних лошадей и крепкого старика, который чистил морковь.

Дед, продолжая работу, с хитровой улыбкой пристально рассматривал неожиданного попутчика. Густые седоватые длинные волосы старика весело топорщились. В его смеющихся глазах плескалась синь июльского неба, которая мелькала среди деревьев в приоткрытой двери товарняка.

– Чего уставился? – с вызовом, видимо для собственной храбрости буркнул заспанный парень. Сено смешно торчало в его волосах, как маскировка у притаившегося в траве диверсанта.

– «Заяц»? – в свою очередь поинтересовался старик.

– А ты что, охотник? – посверкивал из своего угла серыми лучистыми глазами явный безбилетник.

– С характером, хомут тебе в дышло! – с удивлением качнул головой старик. – Куда путь держишь, язва несовершеннолетняя?

Парень молчал, затравленно поглядывая исподлобья.

– Ладно, – смилостивился дед. – Давай знакомиться – Захарыч! – представился «генерал конюшни» (как его успела окрестить про себя «несовершеннолетняя язва»).

– Пашка Жарких! – с подчёркнутой ядовитой официальностью бросил он, смачно сплюнув, «цыкнув» слюной сквозь сомкнутые зубы на блатной манер.

Дед с ухмылкой покачал головой.

– Ну, иди, перекусим, Пашка Жарких! Путь, видать, у нас не близкий...

Через час неторопливой беседы Захарыч уже многое знал об этом, оказывается совсем не дерзком, а напротив, даже душевном, но довольно несчастном паренёчке. О его беспутном, бросившим семью отце, гоняющимся за «длинным рублём» и лёгкой жизнью, которого он не помнил. Об умершей матери. О беспробудно пьющей тётке, от которой сбежал, окончив восемь классов и работая на разных стройках подсобным рабочим. О жажде путешествий и приключений, пришедшей к Пашке из его любимых книг Грина и Фенимора Купера. И о той неприятной истории на стройке, из-за которой он оказался здесь.

Пашка, чуть не плача от обиды рассказал, как двое каменщиков из его бригады продали кому-то мешки с цементом, а деньги пропили. При разборе всё свалили на него, якобы они сами видели, как это происходило. У Пашки была мечта: он долго копил на джинсы и как раз их купил. Это было аргументом. Им поверили...

От чудовищной несправедливости взрослых бывший член бригады бросился на вокзал, решив бежать куда глаза глядят, оставив в бытовке свои новые джинсы как доказательство его бескорыстия...

– А давай к нам, в цирк! Будешь у меня помощником, – предложил Захарыч. – Твой предшественник два месяца назад в армию ушёл, вот ты его и заменишь. Ну, как? Документы-то есть?

– С собой паспорт и аттестат. Даже не знаю, как догадался захватить – дома переодевался наспех, всё было как в тумане... – Пашка дотронулся до внутреннего кармана лёгкой курточки. Там лежали две книжицы документов, завёрнутые в целлофан. Его брови взлетели вверх, глаза затрепетали ресницами. Уголки губ, которые от рождения были приподняты вверх, от чего казалось, что Пашка улыбается, даже когда был серьёзным, радостно дрогнули:

– Дед, а ты не врешь? Правда? И я буду ездить по городам и стану циркачом?

Старик усмехнулся этому слову «циркач», – так артистов цирка презрительно называли, по крайней мере, лет семьдесят назад. «Ничего, начнёт работать, многое узнает», – подумал он.

– Будешь, будешь! – хмыкнув, пообещал Захарыч.

Так Пашка Жарких попал в этот удивительный мир, полный романтики, тайн, зовущих dalej и приключений, который зовётся коротко – Цирк...

Глава вторая

Гастрольный город, в который они наконец-то добрались, и стационарный цирк, повидавший на своём веку не одну сотню артистов разных величин и званий, встретил суетой и привычной неразберихой.

– Ну, куда я поставлю твоих лошадей, куда, к себе на голову? – сдерживая крепкие выражения, кричал местный инспектор манежа Александр Анатольевич. – Этот Главк каким местом думает? У меня вся конюшня занята! Манжелли отправляем только через пять дней. А тут опять лошади!..

Захарыч насупленно молчал, изредка бросая реплики, оканчивающиеся его неизменным: «Хомут тебе в дышло!..»

– Захарыч! Ну, пойми меня! Я тебя сто лет знаю, люблю и уважаю! Чего твой руководитель не позаботился о нормальной разрядке? Ехали чёрте куда, что, цирков ближе не было? – Инспектор манежа, казалось, сейчас расплачется. – Нет у меня мест, только слоновник остался и то на время.

– Слоновник так слоновник, не страшно. – Захарыч стоял на своём, как защитник Брестской крепости, ему отступать тоже было некуда. – Временный настил сделаю сам, станки тоже, помощи не надо! Переедем в конюшню, когда освободится. Ты лошадей побыстрее разгрузи – они в дороге неделю и на вокзале уже вторую ночь. Потом разберёмся – первый день что ль в бардаке живём!..

Захарыч, закопчённый от печки-буржуйки, которая неизменной спутницей ездила в вагоне с лошадьми, и из-за отсутствия элементарных удобств, выглядел сейчас таким то ли сталеваром после смены, то ли шахтёром, вышедшим из забоя.

– Вы чего, из преисподней явились, грязные как... – инспектор не нашёл приличного слова для сравнения.

– А то ты не знаешь «счастья» наших переездов! – Захарыч вскинул руки. – Сам-то давно в пиджак инспекторский переоделся, хомут тебе в дышло!..

Густой баритон инспектора манежа постоянно громыхал в разных местах закулисья. То он кого-то распекал за неправильно размещённый реквизит, перекрывающий пожарные проходы. То перед кем-то заискивающе извинялся, как перед Захарычем. То откровенно на кого-то орал, мол, не до вас сейчас. И всё время грозился повеситься...

Пашка выглядел нисколько не лучше Захарыча после недельного путешествия в товарняке с живностью. Его немытые русые волосы стояли торчком словно от испуга. Брюки и куртка-ветровка некогда серого цвета, теперь были, мягко говоря, неопределённого колора. На плечах болтался «походный» армейский бушлат Захарыча, который на пару размеров был больше нужного и в нескольких местах прожжён. Пашка являл сейчас собой иллюстрацию такого циркового Филиппка. У обоих вид был нелепый и смешной, за что тут же, за кулисами, получили прозвище «беженцы».

Сверкая белками глаз, пожалуй единственным местом, в чистоте которого не было сомнений, Пашка рассматривал незнакомую ему закулисную жизнь.

Сначала он даже оробел. В помещении для хищников рыкали закончившие гастроли львы. Подошло время их кормёжки. Они так выдыхали свои вопли, что вибрировали двери и давило грудь. Провели осликов на конюшню, которые тревожно прядали ушами, кося глаза в сторону звериного рёва. В «собачнике» после разгрузки мыли пуделей, и оттуда доносился немилосердный лай, который, нет-нет да перекрывали крики дрессировщицы, требующей «закрыть рты!»

Гимнасты из воздушного полёта, готовясь к подвеске аппаратуры на купол, растянули по асфальту стальные тросы от манежа до ворот, ведущих во двор цирка. Инспектор манежа

как раз проверял их блоки, сетку и прочую амуницию, название которых звучало как сплошной иностранный язык. Инспектор требовал у руководителя заменить подвесной трос:

– Петрович! Как хочешь, но с такой подвеской на манеж не пущу! Смотри – излом! И ты на это хочешь штамборт вешать? А это что за полиспаст? Ты когда верёвку на нём менял последний раз – сплошная махра, порвётся на хрен... Так, ну-ка, это что?

Пашка внимательно наблюдал, как строгий дядька, явно начальник, копается в железяках, разложенных перед ним, то и дело обращаясь к стоящим перед ним в молчаливом почтении полётчикам:

– Ну и блок! Гляди какой люфт! Тебе чего – жить надоело или меня посадить хочешь? Где техпаспорт? Блин, повешусь!..

Грузчики, в основном солдаты подшефной воинской части, сновали туда-сюда: таскали ящики с реквизитом и личными вещами артистов, разнося их по гардеробным и подсобным помещениям, катали контейнеры, пустые клетки для зверей.

Инспектор, высокий стройный человек, с чёрными, слегка вьющимися волосами зачёсанными назад, успевал и здесь покрикивать и давать чёткие указания дальнейших действий. Он размахивал руками, кого-то хвалил, кого-то подгонял и всё время оказывался в центре событий, как главнокомандующий, ведущий бой. Люди ему подчинялись беспрекословно.

– Это кто, директор? – Пашка посмотрел на своего наставника.

– Хм, можно сказать и так! Это – инспектор манежа. – Захарыч отодвинул своего неопытного помощника в сторону. Мимо них, пыхтя и топя сапогами, солдаты прокатили сцепку из трёх пустых клеток для хищников. Захарыч продолжил, загибая свои чёрные от копоти и грязи пальцы, стараясь ничего не забыть:

– Он отвечает за погрузку-разгрузку, технику безопасности в цирке, размещает животных и артистов, следит за их состоянием, составляет расписание репетиций, программу представлений, объявляет номера, табелирует всех. И ещё много всякого... – последнюю фразу Захарыч сопроводил каким-то безнадежным взмахом руки, заменившим, видимо, ещё долгое перечисление обязанностей этого человека. – Хороший инспектор – закулисный Бог! А этот – один из лучших!.. – Старик улыбнулся, хмыкнув. – Когда-то он был простым ассистентом в аттракционе со слонами, а теперь, видишь, – Александр Анатольевич! – в голосе Захарыча слышались скрытая похвала, симпатия и уважение.

Происходящее за кулисами цирка Пашке казалось каким-то муравейником, срочно переезжающим из-за стихийного бедствия.

– Нормальная обстановка, привыкай! Ничего особенного. Одна программа закончила и грузится, наша приехала и скоро начнёт. Лёгкий «сумасшедший дом» перед премьерой... – Захарыч потянул Пашку за рукав. – Пойдём слоновник посмотрим, да в душ сходим, а то людей пугаем. Потом на вокзал, к лошадям. Сегодня ночью будем разгружать...

Глава третья

Пашку Жарких временно оформили в систему «Союзгосцирк» служащим по уходу за животными в номер с лошадьми. В цирке ему выписали новенькую трудовую книжку, заполнили расчётные листки и выдали временный пропуск. Александр Анатольевич, как и положено инспектору манежа, провёл «вводный инструктаж» и «инструктаж на рабочем месте». Пашка с Захарычем оставили свои «автографы» в мудрёных инспекторских книгах и приступили к работе.

Время завертелось ренским колесом акробата. Ранние подъёмы, поздние отбои, ночные дежурства на конюшне. Чистка лошадей и овощей, кормёжка, уборка денников, подготовка животных к репетициям и выступлениям. Пашка потерял чувство времени, ходил как сомнамбула, исполняя приказы Захарыча автоматически. Молодой работник и не подозревал, что столько времени и сил требует простой уход за восьмёркой лошадей. Также он вряд ли догадывался, что многое из его прямых обязанностей Захарыч незаметно брал на себя. За первую неделю своего служения и так худощавый Пашка похудел ещё больше и осунулся. Его выразительные глаза смотрели грустно и как-то по-детски жалобно. На стройке ему было несравнимо легче.

Руководитель номера Казбек него джигиты, куда устроился Пашка, настороженно присматривались к новичку, видя его полную неопытность.

Пашка попытался было помогать во время представлений, но он пока больше мешал, нежели приносил пользы. К тому же, за кулисами во время работы номера царила такая кутерьма, что попасть под лошадь было делом одной секунды. Сдержанно, но твёрдо Казбек приказал Захарычу отправить «молодого» на конюшню и оттуда «ни ногой» – время придёт...

«Ничего, обвыкнется...» – Захарыч как мог помогал своему начинающему помощнику. Лишнего не требовал, оберегал, по утрам отпаивал отваром из овса, заставлял есть овощи, пару раз давал самовольные выходные...

...К концу второй недели новичок стал потихоньку приходить в себя. Захарыч понял это по бодрой его походке и обычному шутивому тону, от которого старый конюх начал было отвыкать:

– Захарыч, доброе х-хрютро! – мгновенно скаламбурил Пашка, услышав на конюшне неожиданное хрюканье, которого раньше не было. Старик, подметавший денник, на мгновение замер с метлой в руках. Пашка начальственным тоном продолжил: Слушай, тебя нельзя ни на минуту оставить – конюшня превращается в свинарник! Или ты меня решил теперь салом откормить, чтобы потом нещадно эксплуатировать? Ты подметай, подметай!..

Пашка стоял в проёме конюшennых ворот, сложив руки на груди и по-пижонски оперевшись ногой о стену. Очередной внеурочный выходной Пашке явно пошёл на пользу. Парень отоспался и порозовел. Теперь от белёных стен конюшни его уже можно было отличить.

– Ожил, хомут тебе в дышло! – Захарыч радостно всплеснул руками, широко улыбнулся и ответил на Пашкин вопрос, кивнув в угол:

– Это мне ещё одного помощника дали, теперь вас двое... – Захарыч посмотрел в сторону, откуда раздавалось утробное хрюканье.

– Какой масти, вороной аль серый в яблоках? «Полутяж» или скакун? – Пашка блеснул знаниями, приобретёнными неделю назад.

– «Полудохлый болтун»! – подобрал рифму Захарыч в тон Пашке, определив его собственную «масть». – Это клоуна свинья, Смыкова. Новенькая, молодая. Он её будет дрессировать, потом в номер введёт. Сколько у нас простоит не известно. Пока, вот, хрюкает.

Попробовал покормить её сухарём, куда там! Не жрёт, хм, – краля!.. – Видавший виды Захарыч был удивлён и озадачен поведением свиньи. Обычно они едят всё подряд. А тут – сухарь, деликатес!

– Захарыч! А может ты её не с той стороны кормил? – вкрадчиво спросил молодой помощник, делая серьёзное и озабоченное лицо. Увидев, как Захарыч, мысленно отсеивает «непечатные» слова и набирает в лёгкие воздуха, чтобы ответить, Пашка опередил:

– Я всё понял, Захарыч! Она час как на конюшне, но тобой уже сыта по горло!

Старик, улыбаясь, сделал вид, что погнался за своим, наконец-то пришедшим в себя, помощником...

Глава четвёртая

Захарыч...

Почти никто из цирковых не знал его имени. Для всех он был просто – «Захарыч». Это служило ему и именем, и фамилией, и должностью.

Хотя он был берейтором, задача которого – дрессировать лошадей, готовить их к манежной работе, но, по факту, работал и простым служащим по уходу за животными, и ветеринаром при необходимости, и ночным сторожем, и ангелом-хранителем любого цирка, в котором находился на гастролях. Он мог как никто заточить сверло, подклеить жонглёрский реквизит, зачалить любой трос для воздушников, сплести редкой красоты и качества арапник, дать дельный совет. Даже мог одолжить денег со своего скромного жалования. К нему носили сгоревшие чайники, кофемолки, обувь для починки, остановившиеся часы и всё остальное. Однажды приволокли стиральную машину. Через час она уже вовсю жужжала в прачечной цирка.

Захарыча, казалось, знал весь мир – столько людей к нему обращалось и пользовалось его услугами, на все голоса и оттенки произносилось спасительное – «Захарыч»! Он так к этому привык, что, пожалуй, и сам с трудом помнил своё имя...

Пашку заинтересовал этот вопрос и он его задал.

– Никита, вообще-то... – как-то неуверенно ответил Захарыч на вопрос. – Никита Захарович Стрельцов, девятьсот десятых годов рождения! – может, впервые за долгие годы представился он. – Казачьего сословия. С Дону...

У него были могучие разлапистые руки, добрые и шершавые, с заскорузлыми, узловатыми, пожелтевшими от табака пальцами. Когда он ими касался лошадей, те громко пофыркивали, млели и улыбались глазами...

Руки Захарыча были постоянно чем-то заняты: то выпрямляли какую-то проволочку, то что-то строгают, шили, клепали. И только поздно вечером они, наконец, обретали ненадолго покой. Пашка глядел на них и думал: «Сколько же вы переделали и перевидали за свои семьдесят с лишним лет!..»

После репетиции номера с лошадьми и уборки конюшни Захарыч с Пашкой садились чаёвничать. Это было нерушимой традицией. Стрельцов заваривал свой фирменный крепчайший чай, а Пашка приготавливал гору сухарей. До этого Пашка думал, что заварка нужна только для цвета: чай – это так – кипяток с сахаром, не более того.

Захарыч много поведал ему о чае: где и как тот растёт, о чайном листе, о способах его сбора и заварки, – как это делают в Грузии, в Узбекистане, Азербайджане и других республиках. У старого циркового был специальный заварной чайник, почерневший от времени, который он бережно заворачивал в специальную тряпку на переезды. Под столом стояла самодельная электроплитка с ковшом для воды – неперемные объекты для внимания пожарных во всех цирках. Тем не менее, они путешествовали с Захарычем, наверное, с тех пор как появилось электричество.

После чаепития Захарыч сворачивал свою «термоядерную», (как окрестил её Пашка Жарких), самокрутку. Через минуту он окутывался сизым ядовитым туманом, являя собой что-то среднее между паровозом Черепановых и проснувшимся Везувием. Курил Стрельцов исключительно махорку или самосад, которые покупал на местных базарах, считая сигареты с папиросами «дамским» баловством. Глядя на внушительных размеров самокрутку, Пашка как-то съязвил:

– Теперь я понимаю, кто виноват в том, что «капля никотина убивает лошадь»! Твоим «фугасом», Захарыч, можно угробить целый табун этих несчастных животных!

– Вот и не кури! Плохая привычка! Не бери с меня пример! – Захарыч с наслаждением затащился, дрогнув небритым кадыком и пустил струю дыма в приоткрытую дверь шорной. Его глаза – два слегка замутнённых возрастом синих озера, довольно поблёскивали из-под кустистых седых бровей.

«Ему бы бороду – вылитый Дед Мороз! – улыбнулся про себя Пашка. – Хотя, нет, тот не курит...»

В своей жизни Никита Захарович Стрельцов осилил всего четыре класса церковно-приходской школы, осиротел и попал в балаган. Там и прошли его «университеты». Но несмотря на это, Захарыч завидно грамотно строил свою речь и удивительно много знал.

– Курсы младших командиров да книги – вот, брат, мои ликбезы! – ответил старик на очередной Пашкин вопрос. Оставалось только удивляться, когда он успевал читать, при своём почти что двенадцатичасовом рабочем дне.

Захарыч строго посмотрел на своего помощника:

– До твоей учёбы мы тоже доберёмся! – пригрозил он пальцем. – Восемь классов в наше время – это хрень какая-то. Этот... как его... – Захарыч пощёлкал пальцами и поднял глаза к задымлённому потолку шорной, словно там была шпаргалка. – Ага! Атавизм это. Вот!..

Глава пятая

...Ольга влетела с манежа за кулисы разъярённой кошкой. Причёска её была взлохмачена, глаза метали искры. За ней лёгкой трусцой проследовали партнёры по номеру Виктор и Алексей. Это были здоровенные ребята, не очень артистичные и пока «слабоватые» как нижние. Номер был новым, парни старались как могли, но получалось не всегда, как хотелось...

– Мать вашу!.. – начала орать Ольга, как только закрылся за ними занавес. – Вы что, охренели сегодня?

Ольга была выдающейся «верхней» – лучшей в жанре «ханд-вольтиж». Это признавали все. Возможно поэтому была требовательной до самодурства. На манеже она летала из рук в руки партнёров отточенным совершенством, исполняя потрясающие отрывные трюки, безукоризненно приходя в точку после любого пируэта или сальто-мортале.

Но здесь, в этом номере, её умение скорее мешало. Теперь она исполняла трюки на металлической палке, которую партнёры держали в руках. После акробатических прыжков приземляться гимнастке приходилось на тонкую «жёрдочку». Задача партнёров была поймать Ольгу и сбалансировать в нужной точке...

– Оля, тише, за «портянкой» – люди!.. – попыталась успокоить кричащую артистку пятидесятипятiletняя дрессировщица собак Людмила Тимофеевна Котова, намекая на не такой уж и плотный занавес форганга. Она курила, покусывая свой любимый длинный мундштук, прислонившись к стене, как стоят «барышни» в марсельском порту, поджидая подгулявших «кавалеров», готовых за пару «весёлых» минут растаться с несколькими монетами. Её напомаженные губы были вызывающе ярко-красного цвета. В этом была вся Людмила Тимофеевна...

Котова! Это был огненный коктейль Молотова из безвкусицы, неуловимого шарма, увядшей женской красоты, великовозрастной сексуальности и комизма. Эта женщина жила как хотела, как ей нравилось. Она была старше своего нового мужа Алексея, партнёра Ольги, на четырнадцать лет. Любила выпить. Жила без комплексов – открыто и свободно. Некоторым с ней было легко. Другим – нет...

При первой встрече она ошарашивала своей вульгарностью и темпераментом. С ней боялись вступать в дебаты даже начальство из главка и именитые артисты. Она сама была – Именем!

Для неё не существовало авторитетов. Котова признавала только истину, какой она ей виделась. Без раздумий защищала слабого. Всегда поддерживала начинающих. Она пробивалась с «низов»...

Это был человек без «двойного дна». Находиться с ней рядом было мукой – в любой момент ты мог оказаться объектом её внимания – и тогда берегись! В то же время – интересно и радостно!

Она разговаривала невероятно смачно, колоритно и остроумно, используя какой-то то ли акцент, то ли диалект-говорок, свойственный персонажам Бабеля из «Одесских рассказов».

Котова была матерщинницей. Редкой. Так виртуозно в «Союзгосцирке» не ругался никто. Это не было площадной бранью, которая оскорбляет нормального человека. Это являлось, скорее, своеобразным искусством использования ненормативной лексики, которое сначала вгоняло в ступор, потом хотелось слушать и слушать – настолько «рождаемое» становилось неожиданным и цветасто-остроумным «шедевром».

Из классического мата она ухитрялась сплести и выстраивать многоэтажные «версальские дворцы» в стилях: барокко, рококо, ампир – со всеми свойственными им пиляст-

рами, винтообразными капителями, завитушками и кучеряшками. Её «перлы» разлетались по циркам «почтовыми голубями».

Котова стала прижизненно цитируемым классиком русского мата...

– Сколько можно меня ронять! – аж повизгивая, вопила Ольга, нет-нет да переходя тоже на ненормативную лексику. От злости она готова была вонзить свои когти в партнёров и пустить в ход весь накопившийся яд взбешенной «королевской кобры». – Меня пассировать некому! Я что, б..., за воздух цепляться должна? Какого... не подходите, вы же – нижние!..

– Оля! Тише!.. – Котова с показательным равнодушным видом пустила очередное роскошное колечко дыма.

Ольга вместе с «ядом» снова выплеснула парочку крепких, «не девичьих» выражений.

– Оля, девочка, не оскверняй свой ротик, тебе не идёт! Прибереги его для более приятных вещей! Это я без мата, – шо ши без томата...

– Что тише, Тимофевна! Они меня сегодня три раза на задницу усадили! И надо же, блин, как назло, – телевидение снимало!..

Её партнёры, Виктор Селиванов и Алексей Анфиногенов, стояли опустив головы и жилистые ручищи. Алексей, последний муж Котовой, в жизни был приветлив, но неразговорчив. Все слова за него обычно говорила «Тимофевна». Виктор, тот вообще в день говорил обычно два слова: «здравствуйте» и «до свидания». Если произносилось что-то ещё, сверх нормы, считалось – Виктор «разболтался»...

Сегодня же, пока Ольга «оценивала» их работу, Витя полушёпотом выдал партнёру недельную норму слов:

– Не, Лёх, ну чё мы в самом деле: бабу – и на жопу!

Ольга всхлипывала от бессилия, может даже хотела заплакать, но в гневе как-то не получалось:

– Блин! Зрители ржут! А я, вместо комплимента, то и дело задницу отряхиваю!..

– Оля! Что ты волнуешься, как целка в первую брачную ночь! Ну, напала на тебя «падающая»! Зато покажут по телевизору, в программе «Здоровье», – «успокоила» гимнастку опытная артистка, которая повидала на своём веку и не такое. – Тебе ещё прыгать и прыгать! Своим тощим тухесом ты причешешь манеж ещё не один раз!..

Пашка, который иногда отлучался из конюшни, чтобы посмотреть номер-другой, в очередной раз вылупил глаза, слушая закулисную «беседу» артистов.

Вчера была похожая ситуация, но только разнос тогда после работы устроила сама Котова. Та по полной программе «натолкала» своим афганским овчаркам, которые сцепились за кулисами. Из всего замысловатого текста в памяти осталась основная мысль:

– Что вы жрёте друг друга, как х...е цирковые!..

Попутно досталось служащим, которые не уследили за собаками. Котова и им «популярно объяснила», что нужно делать в «критические дни»...

Пашка поинтересовался у Захарыча, что это за «тётя»?

– Эта «тётя», как ты говоришь, – заслуженная артистка. Легенда цирка! Это сейчас Люда собак дрессирует. А когда-то она работала «высшую школу верховой езды» и «па-де-де» с Борисом Манжелли. Так что лошадей она знает не хуже меня... Эх, время, время!.. – Захарыч сделал паузу, пошарил по карманам, ища махорку. – Ты бы Котову видел в знаменитой на весь мир «Штраусиане» и «Русской берёзке» с Юрием Ермолаевым! Вот это были конные номера! Люда – это золото нашего цирка! Ты не гляди, что она такая, она – хороший человек! Настоящий! А как мастер – фору ещё любому молодому даст! Ты на неё даже сейчас в манеже посмотри, а не за кулисами...

Помощник Захарыча не часто видел, чтобы его наставник о ком-то говорил с таким уважением. Пашка стоял в курилке и внимательно всматривался в наштукатуренное лицо

немолодой артистки, одетой в странный симбиоз костюмов «Золушки» и «Феи» одновременно...

Ольга продолжала «дымиться»:

– У меня вся ж... синяя. Я так до пенсии не доживу!..

– Ой, Оля, синежопая ты моя! Тебе до пенсии – как мне до моей первой девственности...

Женька-полётчик, тут как тут, – не удержался от вопроса, пытаясь подражать говору Котовой:

– Людмила Тимофеевна, а шо, бывает и вторая девственность?

– Женя, мальчик мой! В жизни всегда есть место подвигам – когда-нибудь и куда-нибудь – всегда бывает в первый раз...

Пашка стоял открыв рот, переводя взгляд с одного говорившего на другого. Он считал, что цирковые – это «небожители»! Но то, что он слышал сейчас, явно не укладывалось в его голове.

Котова, заметив внимательно слушающего Пашку, посоветовала:

– Молодой человек, закройте рот, а то тоже потеряете целомудренность в этом месте, как я когда-то...

– Людмила Тимофеевна! Если бы вы знали, как мне с этими дебилами хреново!.. – слезливо пожаловалась Ольга, видимо, рассчитывая на поддержку.

Котова, докурив, решила закончить затянувшееся обсуждение, подведя итог:

– Оля! Это – цирк! А плохой п...де – плохо везде!..

...Надохотавшись, артисты разошлись по своим делам, готовясь каждый к своему выступлению.

Котова глянула в настенное зеркало, подправила свезённую мундштуком губную помаду и пробурчала:

– М-да, как будто в... – далее шло довольно точное и фривольное сравнение, не рекомендованное для ушей несовершеннолетних. С лёгкой хрипотцой в голосе, scomандовала:

– Готовимся, бойцы!..

Ассистенты стали подводить на исходную «афганцев», безостановочно лающих и нетерпеливо рвущихся с поводков. Котова, покрикивая, то и дело их успокаивала, осаживала, по ходу продолжая остроумно матерно каламбурить.

Наконец форганг распахнулся.

На манеж вышла... Королева цирковой арены...

Глава шестая

Из шорной в очередной раз валил густой синеватый махорочный дым. Пашка как раз попал в очередное облако, которое выпустил на волю куривший.

– Бонжур, Захарыч! – в дверном проёме появилась прищурившаяся и кашляющая ехидная физиономия молодого помощника, пришедшего на работу. – Гив мию, плиз, смокинг! – отмахиваясь от дыма и продолжая кашлять, блеснул он знанием иностранных языков.

– Чего? – чуть не поперхнулся Стрельцов, до этого мирно пивший чай и теперь благодушно куривший. – Какой смокинг?

– Вот темнота дореволюционная! Дай закурить, говорю! Это – по-английски!..

– Для того, чтобы курить мою (тут Захарыч ввернул недавно услышанное и понравившееся ему слово) «фирму», надо иметь лёгкие с оглоблю! А у тебя, доходяга, грудь как у петуха коленка! – в свою очередь парировал выпад старик. – Это по-русски, хомут тебе в дышло!..

Пашка примирительно рассмеялся:

– Всё, – ничья! – И уже совсем радостно: – Доброе утро, Захарыч!..

Пашка широко улыбнулся своему наставнику и насвистывая арию «мистера Икса», пошёл переодеваться в рабочую одежду. Впереди ждал обыкновенный цирковой день...

...Конюшня блистала чистотой и опрятностью. Каждая вещь находилась на своём месте, однажды ей определённом. Лошади стояли в станках по кличкам, строго в алфавитном порядке: «Алмаз», «Гранат», «Изумруд», «Малахит», «Рубин», «Сапфир», «Топаз», «Янтарь». Сбруи в шорной висели в том же порядке с теми же именными табличками. Что-то отыскать в хозяйстве Захарыча было делом нескольких секунд. Этим он и заведовал. Руководил же групповым номером джигитов Осетии, а следовательно, и Захарычем с Пашкой, артист, с которым при встрече почтительно раскланивались в цирке все. Звали его – Казбек.

Иногда наступает желанное время в жизни артиста, когда его фамилия становится Именем. Здесь был иной случай, ещё более уникальный, когда имя заменило всё.

Казбека знали в стране и за рубежом. Когда произносили его имя, сразу представлялся блистательный мастер-наездник и высочайший класс его номера. Он всего добился сам, работая до седьмого пота, и того же требуя от других.

– Он, как и я когда-то, начинал у Кантемировых. Захватил ещё самого старика Алибека! Это была – школа! – Пашка понял по интонации Захарыча, что это высочайшая оценка, хотя названная фамилия ему ни о чём не говорила.

Конная труппа, куда устроился Пашка, называлась по имени руководителя и знаменитой горы – «Казбек». Вначале, правда, писалось осетинское название «Ур-схох» («Белая гора»), но оно как-то не прижилось. На афишах вечно печатали с ошибками. Казбек заводился, скандалил, пока однажды кто-то не посоветовал ему не мудрить, а писать всем известное – «Казбек». Вскоре во всём цирковом мире стал известен этот конный номер и сам джигит.

Во всех интервью руководитель джигитов любил рассказывать историю, связанную с его именем: в начале девятнадцатого века селением у подножия Белой горы владел князь Казбек. Его имя стало названием аула Казбеги, по аулу русские называли и гору. Казбек утверждал, что его прапрадед и был тем князем...

Чуть меньше месяца назад, через несколько дней после разгрузки лошадей, Захарыч представил руководителю номера нового служащего по уходу за животными. Перед Пашкой стоял темноволосый стройный красавец с ярко выраженными кавказскими чертами и такой же речью. Его спокойные движения завораживали. Это был уверенный в себе человек, очень

уважительный, с умным пронизательным взглядом. Когда он двигался, было ощущение, что он медленно танцует. Повороты его были грациозны, неторопливы и выразительны. Позже Пашка увидит совсем иной темперамент этого человека на манеже, его мастерство, и будет гордиться, что попал в этот номер.

– Если Ныкита Захарович тебя берёт, я не возражаю. Если этот человек говорит «да», я никогда не скажу «нет!». Я ему верю больше, чем себе!.. – Заговорил Казбек низким глуховатым голосом, местами с неподражаемым акцентом. Некоторые привычные уху буквы у него имели дополнительные звуки, которые не воспроизвести другому человеку. Он говорил «вкусно» – заслушаешься!..

– Пиши заявление. Только помни – я тебе доверяю сокровыщницу. – Казбек подвёл Пашку к лошадям и перечислил их имена, написанные на табличках. Он любил именовать животных названиями драгоценных камней – Это валютный фонд! Каждая лошадь – две-три машины стоит!..

В труппе «Казбек» были люди разных национальностей, но все бесспорные мастера джигитовки.

– В цирке, в групповом номере, артисты называются по фамилии руководителя номера, даже если они не родственники, – знакомил Захарыч своего нового помощника с азбукой цирка. – Национальность, пока ты на манеже, тоже у всех одна – как у руководителя. Кто бы ты ни был, хоть негр!

Тут Пашка от души расхохотался, представив себе скачущего африканца в овечьей папаше, бурке, бешмете и с кинжалом в зубах!..

Когда он обрисовывал представившийся образ, улыбнулся и Захарыч. Потом берейтор серьёзно сказал:

– Вот мы смеёмся, а такой артист был. Выдающийся артист! Неповторимый темнокожий жокей-наездник родом из Сомали. Звали его Багри Кук!..

Из всех джигитов Пашке Жарких больше всех приглянулся Эльбрус, или как его все звали – Элик. Как выяснилось – это был младший брат Казбека.

– У них там в семьях что, всех горными вершинами называют? – попытался пошутить Пашка!..

Эльбрус – шатен среднего роста. Горластый, хохотун, первый плясун, который ни секунды не мог устоять на месте. На его лице жили постоянно смеющиеся горящие глаза, которые в одно мгновение, если что, затягивала тяжёлая туча – тогда беда! Он был вечный бретёр, заводящийся по любому поводу и такой же отходчивый. Если он считал кого-то другом, то был другом до конца, без оглядки!..

Братья мало были похожи друг на друга. Ну, может только акцентом.

Казбек был всегда безукоризненно гладко выбрит. Эльбрус носил роскошные «будёновские» усы. Ноги его были заметно, по-кавалерийски кривоваты.

– Это сэксуальная кривизна! – Элик, специально для женщин, кривя их ещё больше и смешно ковыляя, юморно обыгрывал свой природный «дар».

Для парней – отшучивался:

– Э-э! Папа забыл с лошади снять – так и вирус!

– С горшка его поздно сняли!.. – обычно озвучивал свою версию Казбек.

Эльбрус никогда не спорил с Казбеком. О чём бы ни шёл разговор. Между ними разница в возрасте была всего пять лет, но он разговаривал с Казбеком настолько почтительно, часто опуская глаза, что казалось общаются скорее сын с отцом, нежели брат с братом.

– Это Кавказ, – традиции!.. – с уважением в голосе пояснил своему помощнику Захарыч.

Так Пашка Жарких начал свои цирковые университеты, постепенно познавая мир цирка, его людей и историю этого древнего искусства, куда так неожиданно привела его судьба...

Глава седьмая

...Пашка был любопытен без предела. В короткие моменты редкого безделья его можно было видеть в подвалах манежа, где прятались секретные люки иллюзионистов, которые видел не каждый цирковой. То он забирался на купол цирка вместе с гимнастами из воздушного полёта, которые еженедельно проверяли свою подвеску. Опытные артисты с удовольствием наблюдали, как Пашка, затаив дыхание, робко двигается по перекрытиям колосников и смотрит с высоты на манеж через их многочисленные щели. Оттуда цирковая арена казалась маленьким красным солнечным диском с разбегающимися лучами лестничных проходов. Было завораживающе красиво и жутко...

«Как они летают?» – поёживаясь, думал Пашка, не отрывая взгляда от манежа. Вниз он спускался счастливым и серым от вековой пыли колосников.

Пашка побывал на стальном тросе канатоходцев. Каждый раз, сделав несколько шагов и повихляв всем телом, он неизменно «летел» с верхотуры на ковёр манежа, болтаясь на спасительной страховочной лонже, как мешок с «удобрением» – так определил мастерство начинающего эквилибриста великий мастер этого жанра Ахмед Абакаров. Смеясь, канатоходцы хлопывали его по плечам, мол, молодец, не трус. Долго потом Пашкино сердце металось в груди испуганной птицей...

Он впервые покатался на лошадях, после чего не мог ни ходить, ни сидеть. Ноги с трудом соединялись в паху. Было ощущение, что невидимая лошадь всё ещё скачет меж ног и никак не может остановиться...

Появились знакомые в собачнике. В тигрятнике, куда на карантин поставили несколько клеток с молодыми леопардами, пришедшими из-за рубежа, он вскоре тоже стал своим, – благо везде работали ребята чуть старше Пашки. Естественно, он не упустил случая поближе познакомиться с находящимися там животными...

Не прошло и месяца, а инспектор манежа знал Пашку Жарких лучше чем кого-либо из новой программы и помнил его, как не помнил многих знаменитых мастеров. Всё меньше скрывая эмоции и с трудом подбирая выражения, Александр Анатольевич, в который раз инструктировал его, объясняя нормы техники безопасности и конкретные должностные обязанности служащего по уходу за животными. Едва сдерживаясь, размахивая то указательным пальцем, то кулаком перед носом Пашки, он в очередной раз рассказывал, что тот делать должен, а чего «не должен делать ни-ког-да!»

В очередной раз Захарыч и его молодой помощник подписывали какие-то бумаги, обеспечивающие инспектору манежа сносную жизнь вне тюрьмы – «если что...»

Вновь Казбек, после очередного разговора в инспекторской, молча «играл желваками». Снова хохотал и хлопал Пашку по плечу Эльбрус. Этот непоседливый малый нравился ему всё больше и больше. Эльбрус видел в нём родственную душу...

Проходил максимум день-другой, Пашка с Захарычем вновь стояли, опустив головы в инспекторской, а громыхающий голос Александра Анатольевича, с использованием уже крепких выражений, на весь цирк вещал о новых Пашкиных «достижениях» в области циркового искусства и о своем не проходящем желании повеситься.

Казбек каждый раз выразительно смотрел на Захарыча, тот, приподняв бровь нелегко улыбаясь, как-то странно покачивал головой. В ответ Казбек так же молча крутил головой, словно говорил: «Ну, не знаю, не знаю! Может ты и прав, старик! Поживём – увидим...»

Попутно от инспектора влетало всем руководителям номеров, которые допускали на репетиции посторонних. Им в десятый, «юбилейный», раз были обещаны «строгачи» и лишение премий...

...Впервые Пашка Жарких встретился с цирком в своём городе в классе шестом-седьмом. Номера, которые тогда выступали на арене, он не помнил. Одного он не смог забыть, что ворвалось тогда в его сердце вихрем восторженной радости, какую он не испытывал никогда ранее! Мальчишка был потрясён этим миром яркого света, красочных костюмов, весёлой музыки и ещё чего-то невидимого, что заставляло сердце учащённо биться, а слезам взлохмачивать ресницы. Что-то похожее он ощущал, когда читал книги о приключениях и путешествиях.

Именно тогда впервые его привычный мир раскололся на две половинки бытия! На тот, в котором он жил без отца и матери, где были ободранные стены, тусклая лампочка, полуголодное существование и причитающая от беспросветности, вечно пьяная тётка. И на тот, который был перед ним на манеже...

Тихая волна покоя, радости и безопасности накатила на Пашку. Он, убаюканный, с блаженной улыбкой на лице, уснул в кресле зрительного зала, как когда-то на тёплых коленях мамы...

Долго ещё потешались над ним его школьные сотоварищи: «Надо же! Уснул в цирке!..»

...Пашку вывел из оцепенения голос Захарыча:

– Так! Вижу очередная блоха завелась в заднице! – Старый конюх заметил, как его помощник нетерпеливо перетаптывается на месте, поглядывая на дверь конюшни. На манеже в это время шла репетиция воздушного полёта, которую он любил смотреть. Точнее, он любил смотреть на воздушную гимнастку Валу, дочь руководителя номера. Но в этом Пашка отчаянно старался не признаваться даже себе.

– Куда намылился? Давненько не общались с твоим «лучшим другом» – А.А.?

– С кем это? – Пашка вскинул брови.

– С Александром Анатольевичем! Так мы Шурку когда-то называли...

– А-а... – протянул Пашка. В его глазах запрыгали чёртики, но лицо осталось серьёзным. – А я думал это что-то с туалетом связано...

– С каким туалетом? – пришла пора Захарыча поднять брови.

– Ну, как же – «а-а...»

– Тьфу ты, балабол! – Захарыч понарошку замахнулся уздечкой, которую он проверял, поднеся к глазам...

Старый конюх, повидавший на своём веку многих служащих по уходу за животными, не мог нарадоваться на своего помощника. Он видел, насколько тот старательный и обязательный. Пашка ни разу не проспал на работу, что было не редкостью у других – работа требовала о-очень ранних подъёмов. То, что иные делали за часы, Пашка качественно и с какой-то природной лёгкостью выполнял за минуты. Весёлый, беззлобный, вечный выдумщик, он притягивал людей и сам тянулся к ним, словно отшельник, изголодавшийся за время своего одиночества...

– Овощи почисти! – Захарыч пытался придумать занятия для своего подопечного, лишь бы тот не шатался по цирку, вечно попадаясь на глаза вездесущему инспектору манежа.

– Уже! Вон – в ведре.

– Овёс...

– В тазах!

– Подмёл?

– Захарыч, ты чего? Ты же по чистому ходишь!

Захарыч всё никак не мог придумать чем занять Пашку. Он крутил и так и сяк. На конюшне как всегда царил идеальный порядок и всё сияло чистотой. Вдруг ему пришло на ум:

– Во дворе в грузовом прицепе сено в тюках. Не дай бог дождь пойдёт – сопреет. Давай-ка его потихоньку сюда, на конюшню. Вот угол, как раз свободный. А то униформу

не допросишься, да и не их эта работа. – Захарыч был доволен своей придумкой. На час-полтора Пашка был при деле. А там и до представления рукой подать – некогда будет «пешком ходить», там бегать придётся...

– М-да, Захарыч, осенило тебя! – Пашка обыграл слово «сено».

– Давай, давай, трудись! – Захарыч не оценил каламбура, продолжая возиться с уздечкой. – На всё про всё тебе два часа. Время пошло! – как в армии скомандовал Захарыч.

– Йес, с-сэр! – козырнул Пашка, как делали это в американских боевиках. – Управлюсь в семь секунд!

Пашка вздохнул, поняв, что Валентину ему сегодня придётся увидеть разве что на представлении...

Молодого служащего, притчу во языцех программы, замечала не только Валентина, но и её партнёры. Помощник Захарыча почти ежедневно сидел где-нибудь в самых верхних рядах цирка и тихо наблюдал за репетицией воздушников. Валентина как всегда заразительно смеялась, а у Пашки от этого в районе груди пробегала то горячая, то прохладная волна, словно это он летал там, под куполом. Но сегодня кресла последнего ряда цирка пустовали. Репетиция воздушного полёта шла своим чередом...

Отец Валентины подал команду к исполнению трюка. Он раскачал ловиторку и хлопнул в ладоши:

– Ну, давай, Валя, дай хороший отбой, чуть задержи отход, потом – заднее. Готова? Ап!..

Валентина мелькнула под куполом чёрной птицей в белых пятнах магнезии на тёмном репетиционном трико. Выкрутив сальто, она пришла в руки к ловитору, качнулась к откоосу сетки и вновь вернулась на гриф трапеции. Через мгновение она вновь стояла на подвесном мостике и дурашливо делала «комплимент» пустому залу.

– Молодец, Валентина, неплохо! – Отец гимнастки довольно покачивался в ловиторке.

– Bravo-o! – аплодируя, и так же поддерживая игру, дурашливо кричали на противоположном мостике партнёры Валентины. Особенно старался самый молодой светловолосый гимнаст, недавний выпускник циркового училища и извечный хохмач Женька:

– Брависсимо-o! – громче всех вопил он и продолжал комментировать:

– Ложи рыдают! Первые три ряда партера от восторга писают, а на галёрке – наблюдают раду! – Женька явно намекал на то место, где обычно сидел Пашка. Репетиции известного воздушного полёта «Ангелы» всегда проходили весело и куражно...

...Пашка вышел в заасфальтированный квадрат циркового двора. По его периметру располагались ворота гаражного хозяйства, ангары для циркового багажа, металлическая арка грузоподъёмного тельфера, горка въезда в закулисье. В дальнем углу ржавел остов грузовика. К нему, как к кочевому собрату, приник покосившийся, повидавший виды цирковой фургон с затёртыми буквами чьей-то фамилии на боку. К стене конюшни примыкал высокий навес, под которым благоухала гора душистых опилок, отливавших золотом. Посередине двора стоял здоровенный прицеп, на котором высились квадратные тюки с сушёным пресованным сеном. Пашка потянул носом, задержал дыхание и с шумом выдохнул...

Первые два тюка Пашка отнёс бодро, дурачась и вальсируя. Третий он решил отнести, взгромоздив его на голову, как это делают в Африке или где-то там ещё. Проволока, перетягивающая сено крест на крест, резала голову. Шея немилосердно затекала, пыль щекотала ноздри, то и дело заставляя Пашку чихать, отчего его штормило из стороны в сторону. На очередной тюк молодой служащий присел и задумался.

– Не-е, так не пойдёт! Это возни до утра! Хм, семь секунд... – Пашка, вспомнил своё шутовское обещание, окинул прицеп взглядом и улыбнулся. Ему пришла идея: надо обвязать

все тюки верёвкой, по доскам скатить вниз, дотянуть их волоком до ворот, а там до конюшни – шаг! Потом по два тюка в руки – всей работы минут на пятнадцать-двадцать...

Незаметно для себя Пашка стал напевать мелодию, под которую выступал «Воздушный полёт», где работала Валентина. Мурлыча себе под нос, он собирал тюки в этакий «небоскрёб». Тут же лежал пандус, по которому обычно скатывали и закатывали контейнеры. Кряхтя, кое-как в одиночку, Пашка пристроил пандус к прицепу. Получилась наклонная площадка.

– Скатятся как по маслу! – Пашка вытер пот со лба. Он сходил к знакомому в собачник, взял у него верёвку.

Обвязал нижние тюки, упёрся в край пандуса ногами, чтобы тот не пополз, когда «поедут» тюки с сеном и, напрягая все свои силы, потянул построенную конструкцию на себя. Чудо современной архитектуры в стиле конюшенного экспресСЕНОнизма, (Пашка гордился придуманным по ходу каламбуром) зашаталось и нехотя задвигалось к краю прицепа. Он, разгорячённый, сам себе командовал, надрываясь и радуясь, что эта гора хоть и медленно, но двигается: «И р-раз! И р-раз!..» Сено неожиданно заскользило вниз по гладкому пандусу. Потеряв равновесие, Пашка плюхнулся задом на асфальт. Построенная им громада набрала скорость, наклонилась и, рассыпавшись на десятки тюков, накрыла с головой юного рационализатора...

На крики высыпали во двор все, кто репетировал в этот час на манеже и присутствовал в цирке. Их глазам предстала картина: совершенно пустой огромный прицеп, шевелящаяся подвывающая гора с сеном, и ругающийся на чём свет стоит Захарыч, спешно разгребающий тюки.

Серьёзно испугавшись за здоровье начинающего, но уже такого «талантливого» изобретателя, силами коллектива тюки в считанные секунды были разобраны. Произведя «раскопки», артисты увидели целёхонького, но изрядно помятого и испуганного Пашку, шмыгающего носом.

– О, гляди! Полезное ископаемое – бронтозавр! – сострил кто-то из воздушников.

– Соплезавр! И к тому же с выговором! – загромыхал своим баритоном подошедший на крики инспектор манежа. – Захарыч! Тебе тоже – по старой «дружбе»! Моё терпение лопнуло! Блин, повеситься... – последние слова инспектора потонули во взрыве хохота – реакцией на «соплезавра с выговором».

Около недели это малопочтенное прозвище преследовало Пашку Жарких как суровое напоминание о всей премудрости и определённой закономерности циркового ремесла. На доске «Авизо», где располагалась вся информация от инспектора, рядом с расписанием репетиций и программой представления теперь красовался приказ о выговоре ему и Захарычу за нарушение норм правил техник безопасности.

Артисты, особенно джигиты, подкалывали, поздравляя Пашку, как обычно поздравляют с премьерой: «С началом!..»

Особенно его терзали воспоминания насмешливых глаз Валентины, которая во время того происшествия, казалось, смеялась громче и дольше всех.

Её партнёры тогда играючи, в считанные минуты перетаскали сено на конюшню. Теперь эти тюки с сеном высились у стены восклицательными знаками, как ежедневное напоминание о его позоре...

Захарыч в тот злополучный день столько «надарил» Пашке хомутов и дышел, что их с лихвой хватило бы на весь старый московский гужевого двор. Пашка, пришедший в себя от пережитого, только и смог тогда отшутиться:

– Я же тебе обещал «в семь секунд» – вот! – помощник Захарыча, потирая ушибленное плечо, кивнул в сторону сена, сложенного воздушными гимнастами.

– Тьфу! Х-хомут тебе...

Глава восьмая

Валентина в который раз медленно взбиралась по верёвочной лестнице к куполу цирка, устало перебирая руками. Партнёры сочувственно молчали. Отец, недовольно сопя, качался, сидя на ловиторке. Даже яркие прожекторы репетиционного света как-то съежились, чуть потускнели, виновато бросая свои лучики на хромированные детали аппаратов «Воздушного полёта». Страхующая сетка ещё покачивалась после очередного падения Валентины. Сегодня репетиция явно не клеилась...

– Послушай, дочка! Рано раскрываешься. Немного выжди и докрути. Не хватает совсем чуть-чуть, чтобы тебя взять. «Яму» не забывай. Двойное – это двойное! Его делали единицы среди баб!... Я хотел сказать... – Отец неловко замялся, как бы извиняясь за «баб», но, не найдя подходящих слов и сравнений, продолжил:

– Ладно, давай ещё разок. Соберись!

Отец откинулся вловиторке и начал раскачиваться лицом вниз. Набрав нужную амплитуду, он привычно хлопнул в ладоши, оставив облако сбитой магнезии, и коротко скомандовал: «Ап!»

Валентина оттолкнулась от помоста, мощно качнулась на трапеции, ударив вытянутыми носками купольное пространство, подобралась в уголок и тугим мячиком закрутилась в воздухе. Лишь кончиками пальцев левой руки она прошла по цепким кистям своего отца – одного из лучших ловиторов, и, беспорядочно кувыркаясь, полетела в откос. Страхочная сетка даже через трико больно обожгла спину, приняв Валентину в свои объятия.

– Мимо! – тихо и сочувственно выдохнул Пашка, наблюдавший за репетицией.

Отец, хмурясь, постепенно останавливал качающуюся ловиторку, разматывая бинты, предохраняющие кисти. Тем самым как бы говоря: на сегодня всё!

Валентина, обняв колени, сидела на покачивающейся сетке, словно в гигантском гамаке, и кусала губы от досады и боли. Она дула на свои ладони, которые горели огнём от натёртых и сорванных мозолей. Сдерживаемые слёзы разочарования душили её. Она потихоньку злилась – давно задуманный трюк пока оставался несбыточной мечтой. Сегодня у одного из «ангелов» погода была явно «нелётной»...

Партнёры по номеру успокаивали расстроенную девушку:

– Ничего, Москва не сразу строилась, получится...

– Этот трюк удавался немногим...

– Тише едешь – дальше будешь...

– Дольше будешь! – делая акцент на первом слове, Валентина резко прервала «соболезнования» своих партнёров. – Так что мне эта поговорка, Женечка, не подходит! – Валя, спрыгивая с сетки на манеж, обратила свой строгий взор к самому «говорливому» и вечно улыбающемуся партнёру. Тот, словно сдаваясь, поднял руки вверх.

– Если птице обрезать крылья... – пафосно было начал «Женечка», но тут же осёкся, увидев жёсткий взгляд руководителя номера, отца Валентины.

– Всё! Умолкаю навеки! – он приставил указательный палец к виску. – Быджщ-щ!!! – громко озвучил он «выстрел». Театрально изобразив смерть героя, Женька полетел с верхотуры подвесного моста в сетку и там, покачиваясь, замер.

– Ладно, «самоубийца», прощён, воскресай. – Отец Валентины скупно улыбнулся. – Сетку освободи, я схожу.

Руководитель полёта, крепкий мужчина средних лет, отпустил ловиторку и, раскинув руки, спиной тоже приземлился на сетку.

Валентина только сейчас заметила Пашку, всё это время стоящего в боковом проходе цирка. В её оживших глазах заиграли лучики прожекторов и какие-то явно хитроватые, потаённые мысли.

– Иди сюда! – позвала она его. – Хочешь полетать?

Пашка Жарких нерешительно пожал плечами. Он тут же вспомнил походы на колосники. Особого желания «летать» у него не было.

– Не трусь, попробуй! Это легче, чем на канате у Абакаровых. – Валентина белозубо и по лисьи хитро улыбнулась. – Правда, папа?

– Хм, угу... – двусмысленно хмыкнув, не разжимая губ, согласился «папа». Лёгкость этих жанров он испытал на своей шкуре.

– Я и не трушу! – блеснул бесстрашием Пашка.

– Виктор Петрович! – подал голос недавний «самоубийца» Женька. – Пусть попробует, пока нет «какашки»!

Пашка, чувствуя подвох, настороженно поинтересовался о какой какашке идёт речь.

– Здрасьте! – веселился Женька, – это твой «лучший друг» – инспектор манежа, Александр Анатольевич!..

Пашке коротко объяснили, что нашего инспектора давно зовут в цирке сокращённо – «А.А.» Ласково – «Аашка». Кто-то догадался прибавить к этому прозвищу первую букву фамилии инспектора и получилось то, что получилось. Об этом варианте своего «имени» Александр Анатольевич не догадывался. Прозвище ни в коей мере не соответствовало ему ни как профессионалу, ни тем более как человеку. Невзирая на строгость, он был любим и уважаем артистами.

...Молодые ребята, воздушные гимнасты, с улыбкой смотрели на парня, так легкомысленно согласившегося познать вкус «свободного парения».

– Лонжу не забудь надеть, Икар! – Отец Вали, сам любитель розыгрышей, держал в руках стропы страховки. Пашка затянул на поясе широкий кожаный ремень, от которого отходили страхующие верёвки.

– Давай по лестнице на мостик. Трапецию подадут...

Валентина с интересом и нескрываемым удивлением провожала глазами неуклюже карабкающегося по верёвочной лестнице молодого парня. Тот, часто срываясь, не попадая в узкие, то и дело ускользающие из-под ног перекладинки-ступеньки, медленно двигался к площадке подвесного моста. Отец Вали, Виктор Петрович, вовремя успевал подтянуть лонжу, лестница вновь оказывалась в объятиях Пашки. Ободрённый его голосом, шаг за шагом, он двигался к цели.

Начинающий воздушный гимнаст, поднявшись метра на три от сетки, глянул вниз и на секунду замер, переводя дух.

– Давай, давай! – подбадривали снизу. – Это тебе не на лошадях скакать!..

«Посадить бы вас всех на лошадей, да промчать галопом пару кругов – я бы на вас тогда посмотрел, летуны!» – злился на себя за опрометчивый поступок Пашка.

– Ещё немного, давай! Шайбу! Шайбу! – резвился Женька.

Рубашка на Пашке взмокла, местами вылезла из-под брюк. Пот заливал глаза, мешая взбираться. Вот наконец и мостик. Он оказался узкой полоской из хромированного металла и потёртого оргстекла. Пашка навалился на него грудью, цепляясь за тонкие нити крепёжных тросов. С замиранием сердца, медленно, но мужественно выпрямился во весь рост. Как на этом шатком мостике умещались сразу несколько гимнастов для Пашки было загадкой. Он не знал за что хвататься, чтобы не свалиться вниз. Его страховал, прижимая к себе одной рукой, партнёр Валентины, другой он держал трапецию на вытянутой руке.

Пашка глянул вниз – внутри всё замерло и похолодело. Во рту моментально стало сухо. Манеж, такой привычный и просторный, казался отсюда небольшой розовой тарелкой, а широкая страховочная сетка – узкой, в мелкие квадратики, лентой.

– Блин, здесь страшнее, чем на колосниках! – вспомнил Пашка о своих первых ощущениях под куполом цирка. Но там под ногами были металлические и деревянные перекладины не шире десяти сантиметров, а тут – бездна...

Пашка с трудом воспринимал смысл советов: как раскачаться на трапеции, когда её отпустить, чтобы при сходе спиной упасть на сетку, как это делают все воздушные гимнасты. Сейчас он видел только узкую клетчатую полосу, в которую ему предстояло упасть. Но она была так далеко внизу...

Назад дороги не было. Павлик поправил лонжу, стараясь выиграть время и хоть немного убрать предательскую дрожь, постучал ладонями о мешочек с магнизией, как это делали воздушники, и приготовился. Облако порошка на мгновение закрыло манеж. Кисти рук стали сухими. Полётчик с улыбкой подал Пашке гриф трапеции, в который он вцепился, как хватается за соломинку тонущий в океане. Сердце Пашки бешено колотилось. Он ещё раз глянул вниз и увидел, нет, скорее ощутил, насмешливую улыбку Вали.

Павлик набрал в лёгкие воздуха, помедлил секунду, закрыл глаза и отчаянно бросился с мостика в бездну неизвестности. Трапеция, словно гигантский маятник, качнулась из одного конца цирка в другой, увлекая за собой худое тело Пашки Жарких, его юное существо, вцепившееся мёртвой хваткой в перекладину и во что бы то ни стало пытающееся выжить. Дыхание у него перехватило, судорога сжала горло...

– Сход! – скомандовал пассивщик с земли, перебирая верёвки страхующей лонжи. Теперь Пашкина жизнь всецело находилась в его опытных руках. Прежде чем начинающий воздушный гимнаст разжал онемевшие пальцы и понёсся спиной в сетку, команда «сход!» прозвучала не менее пяти раз на разные интонации, и однажды даже сдобренная словами, которые не говорят при женщинах и детях. Пашку скорее заставили разжать пальцы, вцепившиеся в гриф трапеции, буквально стащив его лонжей. Но этого он даже не заметил...

Несколько секунд полёта показались ему вечностью. Вдруг падение замедлилось. Жёсткая сыромятина спасительной лонжи впилась сначала в спину, потом в живот и новоиспечённый гимнаст благополучно приземлился на шею, не сломав её и даже не повредив.

Лёжа на ещё покачивающейся сетке и выходя из полубморочного состояния Пашка услышал аплодисменты гимнастов и голос Виктора Петровича:

– Хватит лежать, герой, ниже уже падать некуда!

Нетвёрдой походкой Пашка подошёл к барьеру и сел на него.

– Ну, Пашка, ты просто молодец! Та-ак красиво летел! Голова цела? – в серых глазах Валентины плясала целая толпа маленьких вредных чёртиков. Вдруг она сделала озабоченное и заботливое лицо. – Я что-то не пойму: ты или так магнизией запачкался или очень бледный? – Она звонко рассмеялась и выпорхнула с манежа за малиновый бархат занавеса.

Её смеющийся голос ещё долго стоял в ушах теперь уже «состоявшегося» воздушного гимнаста Пашки Жарких...

Глава девятая

Детей приобретают по-разному. Одних с доставкой на дом приносит аист, других покупают в «Детском мире», третьих находят в капусте. А вот семья акробатов Рыжовых нашла своего сына в цирковых опилках, во всяком случае так они объяснили ему его появление на свет.

По старой традиции о всех потомственных артистах говорили, что они «родились в опилках». Таковым являлся и Валерка Рыжов.

Это был хорошо упитанный, флегматичный и на редкость ленивый парень, которого с великим трудом родители приобщали к цирковому делу.

Работал он вместе с матерью и отцом в номере «Весёлые мушкетёры», насыщенном комическими прыжками, каскадами и фехтованием.

Почти семнадцатилетнему Рыжову-младшему удивительно подходила его фамилия. Он был огненно рыжим, или, как его окрестил Пашка Жарких, – «гнедым». Характер он имел задиристый, но трусливый. За цвет волос, ненадёжность и за несколько белых пятен на лице кто-то назвал его «мухомором». Так и прилипло.

Предметом воздыхания для Валерки являлась всё та же Валя, с которой они вместе учились в очередной школе. Цирковые дети меняют школы и классы в каждом новом городе. Последние полгода гастроли акробатов Рыжовых совпадали с гастрольными городами воздушного полёта, а значит и школа у ребят была одна. До этого они закончили учёбу в Новосибирске, летом отдыхали, и вот теперь Валерка снова гордо сидел за одной партой с Валентиной. Наступил финальный учебный год перед получением аттестата.

После уроков «Мухомор» благоговейно и смиренно нёс её портфель, стараясь тем самым растопить лёд в сердце юной красавицы и завоевать её расположение.

Валентина от природы была удивительно красивым созданием. Смуглое, чуть широкоскулое лицо, с застывшей полуулыбкой на выразительных рельефных губах, с блестящими, вечно насмешливыми глазами. Они были с какой-то полупьяной поволокой и настолько зеленовато-серыми, что казалось в них нет зрачков. Глаза обрамляли пушистые ресницы, которые неторопливо и томно прикрывались, словно постоянно пытались спрятать какую-то тайну. Кукольный, слегка вздёрнутый носик кокетничал с каждым встречным. Роскошные каштановые волосы прикрывали крепкие плечи воздушной гимнастки и её оформившую грудь. Во время представления, чтобы не мешали работе в воздухе, Валентина собирала волосы в тугий узел, переливающийся бижутерией, – отчего становилась ещё краше. Открывалась её высокая шея, и зрители видели царственный поворот головы.

Валентина любила всё обтягивающее, что подчёркивало её формы. Ходила она, чуть покачивая бёдрами, по-кошачьи мягко и тягуче неторопливо. В какой-то момент вдруг взрывалась секундной резкостью, молниеносностью движений, так необходимых в воздухе, и тут же, прикрывая глаза, словно сытая пантера, сонно и плавно продолжала свои движения.

В ней царила не по годам потрясающая женская пластика, завораживающая, манящая, обещающая будущим мужчинам рай и погибель...

Во всех школах Валентина бесспорно оказывалась первой красавицей в классе. Она к этому привыкла. Отчего характер её заметно испортился – была подчёркнуто недоступна, холодна и надменна.

Валерка Рыжов добровольно исполнял роль «пажа». Он становился безмерно счастливым от любого знака внимания, считая себя рыцарем и телохранителем Валентины. Его распирала гордость и чувство собственной значимости. Одноклассники ему явно завидовали...

Жизнь Валерки в этой роли была соразмеренной и спокойной до той поры, пока он не заметил, что Валентина своё внимание уделяет не ему, а Пашке Жарких – этому лошадинику, простому служащему по уходу за животными, этому «говночисту»!

С той минуты существование его было отравлено ревностью, душевное спокойствие нарушено, и он стал жаждать мести...

– У меня к тебе есть мужской разговор! – как-то зашёл Валерка Рыжов к Павлу на конюшню. Тот сидел на реквизитном ящике и перебирал сено. Валерка внимательно рассматривал Пашку, наперёд оценивая свои шансы. Уверенность его росла – они явно были в разных весовых категориях. Если не считать Пашкиного роста, у Рыжова было неоспоримое превосходство.

– Ну, говори, «мужчина»! – усмехнулся Пашка.

Валерка сразу решил «взять горлом»:

– Если ты ещё раз подойдёшь к Вале, я тебя... я..., я не знаю, что с тобой сделаю! – ревниво выпалил Валерка Рыжов, вспыхнув своими белыми пятнами на лице.

– Ну вот, не знаешь, а угрожаешь, – спокойно ответил Пашка, продолжая работу. Он даже не посмотрел в его сторону.

– Это я-то не знаю? Я? Ха-ха!.. – Валерка нервно хохотнул, сглотнув слюну. Он заводился всё больше и больше. Голос его подсип, то и дело срывался от злости и мандража. – Я... я тебя на дуэль вызову! Вот!

– Дуэль? – Пашка удивлённо приподнял брови и выпрямил спину. Его серые в рыжую крапинку глаза брызнули смехом. – Интересно! Какое оружие предпочитаете, месью Рыжов – бокс без перчаток, пистолеты, кинжалы? Или, может быть, дуэль на соплях? Так ей тебя случайно и пришибить можно.

– На рапирах! – вскричал Валерка, вспомнив о своих мушкетёрских способностях, которые он пытался продемонстрировать на манеже во время выступлений.

Пашка Жарких приподнялся, бросил сено и, презрительно улыбаясь, произнёс фразу, которую не раз встречал в прочитанных книгах:

– Я к вашим услугам, мон шер! Вот мои секунданты! – Пашка показал на мирно жующих лошадей. – Где и когда я вас смогу убить?

– Дуэль будет во дворе и немедленно, вот только сбегаю за рапирой!

– Ну-ну! Беги, гнедой иноходец, да не забудь наточить свою железюку! – вдогонку посоветовал Пашка Валерке Рыжову, спешащему на собственные похороны.

Павлик вспомнил о Валентине, представив её вечно улыбающееся лицо, и горячая волна нежности обожгла юное сердце.

Пора было подумать и об оружии. Оно валялось тут же, под ногами, в виде сломанной утром ручки от метлы.

Появился запыхавшийся Рыжов. В руке у него блестела настоящая рапира, которой пользовались в номере «Весёлые мушкетёры» во время представления. Огненная копна его волос торчала во все стороны, белые пятна на лице сияли боевым раскрасом. Валерка сейчас был действительно похож на перевозбуждённого мухомора-переростка.

Они, как и договаривались, вышли во двор цирка, куда смотрели большинство окон артистических гримёрных.

– Ромео, защищайтесь! – театрально воскликнул обладатель гнедой масти. Он тряхнул для куража своей огненной гривой, обнажил клинок, махнул им пару раз, со свистом рассекая воздух, красиво откинул руку и согнул ноги в коленях.

– Я к вашим услугам, «ржавый»! – Пашка тоже принял позу мушкетёра. В мозгу пронеслось: «Ну, держись, „мухомор"! Сейчас я из тебя буду делать бледную поганку!..»

И начался исторический поединок, которому позавидовал бы даже великий Шекспир. Свидетелями ему были – воробьи с голубями, клюющие на цирковом дворе остатки просыпанного зерна, и любопытные лица артистов, прилипшие носами к стёклам окон гримёрок.

Следовали выпады за выпадами, отбивы, туше. «Искры» в виде щепок летели во все стороны. Наступала то одна сторона, то другая.

Пашка в своё время тоже неплохо поднаторел в дворовых баталиях, особенно после многочисленных просмотров «Трёх мушкетёров». Много тогда было «дров наломано»...

Противники стали уставать. Валерка тяжело сопел. Резкие движения он не любил. Пот заливал его глаза. В ушах свистело. Сердце от мандража и усталости готово было выскочить из груди и драпать куда глаза глядят. «Мухомор» пошёл ва-банк! Намереваясь нанести последний сокрушительный удар и тем самым закончить поединок в свою пользу, он двумя руками махнул рапирой как мечом, но промахнулся. Его развернуло, и он подставил Пашке отнюдь не фехтовальное место. «Ромео» не преминул этим воспользоваться.

Заработав основательный удар вдоль спины, оканчивающийся мягким местом, на которое рыжий мушкетёр теперь не сможет сесть пару дней, Валерка громко охнул и с воплем: «Мы ещё встретимся!», позорно бежал с поля брани.

Пашка победоносно воткнул свою «рапиру» в кучу лошадиного навоза и пошёл доделывать отложенное. Честь «Ромео» и дамы его сердца были спасены...

Вечером за кулисами, перед парадом, со смехом обсуждали итоги дуэли. В цирке, если что-то знает один – знает один. Если знают двое – знают все. Причина дуэли тоже ни для кого не была секретом. Секретов в цирке не бывает...

Пашку при случае поздравляли. Эльбрус, подмигнув, протянул руку со словами:
– Дай пять! Молодэц!

Валерке, «сочувственно» улыбаясь и подхихикивая, предлагали компрессы и мази.

Последний на представлении не сделал и половины положенных трюков. Причину «недуга» он отчаянно скрывал от родителей. Но рассказать пришлось. За что вдогонку получил подзатыльник от отца со словами: «Мушкетёр хренов! Об учёбе бы лучше думал! А то так и будешь всю жизнь таскать за кем-нибудь чужие портфели!» Привязанность и выбор сына он явно не одобрял.

С той поры Валерка Рыжов старался не встречаться с Пашкой даже глазами...

Глава десятая

– Захарыч, отстань, дай поспать – сегодня выходной! Захарыч, ну, Захар... – тут Пашка, хлопая ещё полусонными глазами, онемел, и никак не мог сообразить: реальность это или он продолжает спать?

Перед ним, посапывая, стояла старая слониха Буня, которую неделю назад привезли в цирк, чтобы позже передать зоопарку. На манеже ей работать становилось всё сложнее и сложнее – возраст, вот и решили пристроить «почётного ветерана» в один из лучших зоопарков страны в этом городе...

Сопровождал и ухаживал за слонихой молодой служащий, который лишь на пару лет был старше Пашки, «слоновожатый» Славка, или попросту «Рыжий» – как его окрестил помощник Захарыча.

– Два рыжих в одной программе – это конечно перебор! Но будем считать, что это к счастью! – прокомментировал приезд молодого коллеги по уходу за животными Захарыч, – Ты чего это, Славка, такой коноплявый? Мухи, что ли, в детстве засидели? Я такого количества конопушек никогда в жизни не видел! – Захарыч беззлобно подкалывал Славку, когда они после знакомства сели пить чай.

– Это, говорят, я в деда. – Славка абсолютно ровным голосом, даже без намёка на обиду, ответил, прихлёбывая чаёк. – Рыжие, они, сами говорите, – счастливые!

– И хитрые! – Пашка подмигнул Славке.

– Ага! И хитрые... – не меняя голоса согласился «слоновожатый» и с этим определением.

Пашку и Славку днями поселили в одном номере гостиницы, переведя их в более приличные условия из уж совсем «убитых» номеров. Теперь они жили вместе. Вместе по будильнику рано утром вставали, наскоро завтракали, если было чем, и шли на работу.

Рыжий был флегматичного склада. Было ощущение, что он всё время спит на ходу. Пашке частенько хотелось дать ему пенделя – «для скорости»...

За это время помощник Захарыча не удержался и пару раз, любопытства ради, успел заглянуть к Славке в слоновник, благо он был напротив конюшни.

Рыжий как раз накануне предупредил Пашку, чтобы тот сторонился животного: «Слон есть слон – не кролик, мало ли!»

– ...Слоник! Я не съедобный... – Пашка лёжа в куче сена, вжимался в стену слоновника и силился вспомнить, как он здесь оказался.

Буня мягко сняла с лохматой Пашкиной головы его старую кепку и метким броском отправила её себе под хобот.

– Товарищи! Раздевают! – скорее прошептал спёкшимся горлом перепуганный парень, нежели громко призвал к справедливости и собственному спасению. Он ещё по инерции пытался шутить.

Путанные воспоминания роем носились в его ещё толком не проснувшейся голове: вот он в цирковой гостинице, вечер, застолье, громкие тосты, смех и глаза Валентины...

Пашка вдруг вспомнил всё! И похолодел. Он со стоном отчаяния помотал головой. Стало бесконечно грустно. Равнодушие овладело им. Его словно парализовало. Даже если бы сейчас перед ним оказался лев, он не пошевелился бы...

Звякала цепь на задней ноге прикованного слона. Толстая муха шумно билась в мутное окно слоновника. День только начинался. Во рту было приторно-сладко и сухо. Нестерпимо хотелось пить...

Слон показался сейчас тем самым «кроликом», о котором говорил «слоновожатый», по сравнению со вчерашним происшествием. Сознание плеснуло на лицо жгучую краску стыда. И очередную волну отчаяния...

Вчера Валя пригласила Пашку Жарких на свой день рождения, неожиданно поймав за руку в дверях гостиницы, когда он собирался пройтись по городу.

Служащий по уходу за животными впервые оказался в шумной компании артистов. Людей было много. Застолье разместилось в просторном гостиничном «люксе» Валиного отца. Ему, как заслуженному артисту, полагался номер с «повышенным классом удобств».

Канатоходцы, акробаты, жонглёры, воздушные гимнасты – партнёры Вали по полёту, шумно веселились.

Они рассказывали анекдоты, вспоминали смешные истории из цирковой жизни, хохотали, пили вино, одним словом, отдыхали по полной – впереди был выходной.

Казбек, Пашкин руководитель, по делам улетел в Москву, и его джигиты, оставшиеся без опеки, теперь чувствовали себя вольготно. Они по-кавказски выразительно держали в руках бокалы, произносили длинные красивые тосты. Особенно неподражаем в этом деле был Эльбрус! В своё время, впервые увидев Валентину, и не зная сколько ей лет, он сделал было «заход», но вскоре понял – будут просто друзьями. Пробовали и другие. С тем же успехом – «без вариантов»...

Заздравные слова говорили многие. Отец Валентины молча сидел и довольно шурился, чувствуя свою непосредственную причастность к приятному событию. Пару раз выпили и за его здоровье...

Валя, встречая очередных гостей, ослепительно сияла, словно солнце среди облаков.

Пашка явно был «не в своей тарелке». От густого табачного дыма, висевшего в комнате, где жила Валя, першило в горле. Он, робея, сидел рядом с ней, не зная куда девать глаза. Пашка чуть не умер, когда рука Валентины легла ему на плечо. Его сердце всколыхнулось, ударилось о грудную клетку и замерло. Он стал проваливаться в гулкую бездну остановившегося времени. Уши его стали пунцовыми.

– Выпей шампанского! За моё здоровье! – вечно смеющиеся, а теперь игриво блестящие от выпитого вина глаза Вали заглянули Пашке в лицо. Его обдало облаком тонких духов именинницы. – Мне сегодня – семнадцать! Я уже старая!.. – Рука Валентины ласковой змеёй проскользнула с Пашкиного плеча на его ладонь. С внешней стороны её кисть была длинной и красивой, с лакированными, коротко подстриженными ногтями.

С внутренней – мозолистой и шершавой. Пашка, умирая от собственной смелости и дерзости, повернул ладонь воздушной гимнастки, словно собирался ей погадать. Перед ним была рука скорее землекопа, нежели изящной избалованной цирковой красотки.

– Это от грифа трапеции и постоянной магнезии. – Валя продолжала улыбаться, ласковым голосом настойчиво предлагая парню фужер с вином. – Пе-ей!..

Пашка отказывался, говоря, что он не пьёт... И это было правдой. Алкоголя в любом виде он сторонился и боялся как огня. История была давняя. Ещё в детстве он едва не погиб из-за оплошности уже тогда крепко пьющей тётки – родной сестры мамы. Как-то под утро Пашка захотел воды. На столе, рядом с ободраным диваном тётки, вместо графина всегда стояла литровая бутылка воды. Среди ночи и по утрам тётка, обычно прямо из горлышка, топила в воде «сушняк». Пользовались водой и остальные. Все к этому привыкли.

Спросонья Пашка сделал пару глотков из бутылки и вдруг задохнулся – ему обожгло горло. В похожей бутылке ждал своего часа крепчайший самогон-первач. Фонтаном разлетелись брызги с криком выплунутого спиртного. Резко запахло сивухой. Мальчишка схватил рядом стоящий наполненный стакан, чтобы запить бушующий пожар во рту, и через пару глотков понял, что там тоже спиртное. Он не мог вздохнуть, только кричал от страха и боли, умываясь слезами. Его тошнило до истерики, до лихорадки...

Пашка на всю жизнь зарёкся пить что-либо, кроме воды и лимонада. В памяти всплыло перепуганное, заплаканное лицо мамы, вместе с Пашкой пережившей тогда тот ужас, и бледная, враз протрезвевшая, растрёпанная тётка...

– Я не...

– Ну, что же ты, пей, Па-а-шка! – пропела Валентина, поднося бокал с искрящимся, как бенгальский огонь, вином к губам парня, искусительницей заглядывая в его часто моргающие глаза. – Это же всего лишь шампанское...

Дружная компания тут же стала шумно «наваливаться»:

– Давай, гусар! Ты же цирковой! За здоровье!

Вечно юморной Женька, партнёр Валентины, даже пошёл дальше, вдруг начав скандировать: «Горь-ко! Горь-ко!», но тут же получил подзатыльник, мол, не ломай кайф и не нарушай «пьесу»...

Пашка какими-то отрывками, вспышками сознания, с трудом вспоминал дальнейшее развитие событий. Помнил только, как прыгающие в фужере пузырьки игристого вина моментально ударили в голову. Пил ли он ещё – не помнил. Вспоминал, что ему хотелось обнять Валентину и сказать ей что-то хорошее, что пряталось в его сердце. И он, кажется, это сделал. А может и нет. Но точно помнил, что обнимал холодный, пахнущий хлоркой, унитаз в туалете, когда его выворачивало наизнанку. Как пытался продышаться на улице в прохладе зарождающейся осени. Как его шатало и знобило. Память отрывками напомнила, как он шёл в цирк, чтобы там где-нибудь спрятаться и отогреться. Как боялся попасться на глаза Захарычу, который постоянно ночевал на конюшне. Видимо, тогда он и оказался у Славки в неосвещённом слоновнике, в том самом стогу сена, в котором он сейчас умирал от жажды и страха...

...Буня прошлась шершавым хоботом по телу Пашки, аккуратно обхватила его за талию, приподняла и привычным движением усадила себе на спину, после чего стала раскланиваться, ожидая, как всегда, аплодисментов и подкормки. Этот трюк ей и в работе удавался на славу, теперь же она его исполнила просто блестяще.

Павлик, сделав в хоботе слона «мёртвую петлю», теперь сидел на верхотуре под потолком, еле живой от страха и похмелья, с трудом что-либо соображая. Его опять подташнивало и качало, как во время морской качки. Все признаки «морской болезни» были налицо. Точнее – на позеленевшем лице...

Слон задрал хобот, ища лакомства в награду за исполненный трюк. Пашке показалось что-то страшное в этом, и он хрипло заорал на весь только ещё пробуждающийся цирк:

– Захарыч! На помощь! Он меня сейчас сожрёт!

Конюшня была напротив помещения куда поставили слониху. На крики прибежал Захарыч и сидевший у него в гостях «слоновожатый» Славка, которые перед утренней кормёжкой животных пили чай.

– Ты как туда залез, хомут тебе в дышло? – Захарыч был бледнее бледного, увидев и оценив явно небезопасную ситуацию. – Спокойно, не дёргайся! Bravo, Буня, bravo! – стал успокаивать Захарыч слониху, которая уже начинала подавать признаки беспокойства от общения с таким бестолковым «дрессировщиком». – Хватит трескать, поставь животное на «ажну»! – Захарыч дёрнул за плечо Славку, который от волнения, словно кролик, продолжал грызть недоеденный в гостях у Захарыча сухарь. Его конопушки проявились и сияли, как звёзды в планетарии, когда выключают свет. Тот вышел из «столбняка» и скомандовал Буне стать на колени, Слониха сделала это легко и радостно, насколько ей позволяли возраст и здоровье. За что получила в награду недоеденный Славкой сухарь...

– ...Рыжий! Что сегодня было – забудь! – Захарыч угрожающе обернулся в дверях, обращаясь к Славке. «Слоновожатый» послушно кивал Захарычу.

– Никому ни слова! Нам не хватало ещё по очередному выговору схлопотать. И так работаем без премий...

Пашка пришёл в себя только в шорной на конюшне, когда с жадностью и наслаждением пил «фирменный» крепкий чай Захарыча. Наливая второй стакан, он честно рассказал старику, что с ним произошло. Видавший виды человек только покряхтывал и покачивал головой:

– Ох, Валюха, Валюха...

Не вдаваясь особенно в подробности, он рассказал Пашке, что сам пил в своей жизни только два раза.

– Первый, – когда приняв «наркомовские» пошли в декабре сорок первого в сабельную атаку под Рузой. Тут-то меня и «зацепило» пулемётной очередью. Неожиданно так. Всё вокруг свистит – пули, ветер. Мы несёмся по снегу, очумело орём, саблями машем. Вдруг словно кипятком ошпарило! А тут ещё взрыв! Я так толком ничего и не понял тогда. Две пули навывлет, в мякоть...

Захарыч вдруг замолчал и потемнел лицом. Долго жевал губы...

– Второй, когда... – Захарыч вновь странно застопорил свой рассказ, словно не мог вспомнить. Или не хотел. Начал шарить по карманам, затем потянулся за табаком. Спичка с шипением вспыхнула, а он не торопился прикуривать. Потом жадно затянулся, словно в две затяжки хотел покончить с самокруткой, и, скомкав повествование, закончил:

– Ну, в общем, пил я неделю беспробудно, словно хотел умереть. И чуть не умер, с непривычки... Потом расскажу. Как-нибудь. Может быть...

Захарыч вздохнул, перевёл дух и немного повеселел.

– Последний раз пили за Победу! А как же! И я вместе со всеми. Но скорее не пил, а так, делал вид – нельзя мне уже тогда было...

Захарыч инстинктивно дотронулся до живота и пояснил:

– Отравился я в тот, второй раз, крепко, как и ты. Серьёзно подсадил желудок спиртом – всё сжёг там не жрамши. К тому же контузия. В общем, поклялся я тогда. На могиле поклялся...

По всему было видно, что признание Захарыча и его рассказ дались ему нелегко.

– Больше я ни разу не смотрел на доньшко стакана. Никогда. Только – чай...

Захарыч покрутил перед глазами свой опустевший гранёный стакан.

– У нас ведь, у казаков, обычаи строгие. Традиции! – старик словно кому-то погрозил пальцем и молодцевато выпрямил спину. – Его лицо вдруг сделалось строгим и обиженным. – Это в кино из казаков сделали каких-то пьяниц, ухарей загульных. Без бутылки вроде и не казак. Чушь! – Захарыч в сердцах грохнул кулачищем по столу. Пашка аж подскочил.

– За самовольную чарку, без отцовской на то воли, батьки молодняку зады пороли докрасна. На праздниках, за столами, никого пить не принуждали: не хочешь – можешь просто пригубить. Если видели, кто захмелел, того чаркой «обносили» – отдыхай. А если кто лишнего принял, «не по весу», – тут же отправляли проспаться. Умерших от алкоголизма хоронили как самоубийц, вне кладбища и без креста. О как было! – Захарыч поднял вверх указательный палец. – Всю жизнь казаки на земле работали и Отчизне служили! А рождённый пить, как известно, – ...скакать не может. – Захарыч ради приличия, и чтобы пощадить Пашкины молодые уши, заменил крепкое словцо на удобоваримое – «скакать».

– «Мутная» столько судеб погубила и жизней покалечила! – подвёл Захарыч итог. – И не сосчитать! Вина начинается с вина! Запомни, сынок!

Глава одиннадцатая

– ... Канатоходцы Дагестана! Руководитель – заслуженный артист республики Ахмед Абакаров! – на финал ещё раз объявил инспектор манежа. Аплодисменты достигли штормового звучания. Артисты пытались уйти, но инспектор возвращал их на манеж к зрителям снова и снова. Наконец он освободил путь, продолжая программу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.